

УДК 343.1

DOI: 10.17223/22253513/40/9

А.Р. Шарипова

ПЕРЕСМОТР ДЕЛ ПО ВНОВЬ ОТКРЫВШИМСЯ И НОВЫМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ: НЕВЫГОДНЫЕ ОТЛИЧИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Определяется единая природа экстраординарного пересмотра дел для всех видов судебных процессов. Констатируются отсутствие важнейшего основания для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам в уголовном процессе и его подмена основанием пересмотра по новым обстоятельствам. Подвергается критике процедура возобновления производства для пересмотра дел с обязательным обращением заинтересованных лиц к прокурору, а не напрямую в суд. Ключевые слова: уголовный процесс; арбитражный процесс; гражданский процесс; административный процесс; пересмотр по новым и вновь открывшимся обстоятельствам.

Единство правовой природы пересмотра дела по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в разных процессуальных отраслях вряд ли требует сложной аргументации. Это экстраординарный пересмотр дела, объединяющий два самостоятельных подвида – по новым обстоятельствам и по вновь открывшимся обстоятельствам. Первый подвид относительно недавно существует в отечественном праве и призван актуализировать вступившие в силу судебные решения, если они перестали соответствовать каким-то правовым реалиям, появившимся после их принятия, но имеющим «обратную силу». Второй подвид данного экстраординарного пересмотра – давно существующий инструмент устранения тяжких судебных ошибок.

Исходя из функций рассматриваемого института, значимых отличий между соответствующими уголовно-процессуальными, гражданско-процессуальными, арбитражно-процессуальными и административно-процессуальными группами норм быть не должно. Возможные отличия уголовного процесса могут касаться лишь «запрета поворота к худшему», но, чтобы понять, о каком повороте идет речь, необходимо сначала как минимум инициировать это экстраординарное производство. Есть ли они в действительности и обусловлены ли какой-то внутривидовой спецификой, мы попытаемся проанализировать.

Основаниями пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, согласно ст. 413 УПК РФ, являются установленные вступившим в законную силу приговором суда или иным процессуальным актом заведомая ложность показаний потерпевшего или свидетеля, заключения эксперта, подложность вещественных доказательств, протоколов следственных и судеб-

ных действий и иных документов или заведомая неправильность перевода, преступные действия дознавателя, следователя или прокурора, повлекшие за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении данного уголовного дела.

Отличия оснований, предусмотренных в Гражданском процессуальном кодексе РФ (ГПК РФ), связаны с отсутствием в перечне показаний потерпевшего как не характерного для гражданского процесса участника; с более емким понятием «фальсификация доказательств», которое точно совпадает с наименованием преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, с иным перечнем участников дела, чьи преступные действия совершены при его рассмотрении (ст. 392). Текстуально близка к ГПК РФ регламентация оснований по Арбитражному процессуальному кодексу РФ (АПК РФ) (ст. 311) и Кодексу административного судопроизводства РФ (КАС РФ) (ст. 350).

Но главное отличие УПК РФ от остальных кодексов в отсутствии среди вновь открывшихся «существенных для дела обстоятельств, которые не были и не могли быть известны заявителю». Ни объяснить отсутствие такого основания в УПК, ни позитивно его оценить мы не можем. Разумеется, оно подвергалось критике в литературе [1. С. 9].

В УПК РСФСР похожее на существующие ныне в других отраслевых кодексах основание закреплено было: иные обстоятельства, неизвестные суду при постановлении приговора или определения, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или совершение им менее тяжкого или более тяжкого преступления, нежели то, за которое он осужден, а равно доказывают виновность оправданного или лица, в отношении которого дело было прекращено (ст. 384). В советской научной литературе подчеркивалось, что возобновляться производства должны и тогда, когда «недоброкачественность доказательств явилась следствием не злого умысла тех или иных лиц, а ошибки, недоразумения, заблуждения и недостаточной их осведомленности» [2. С. 218].

В связи со сказанным тем более непонятно, почему законодатель отказался от более емких по содержанию, чем действующие, и проверенных практикой формулировок. Попутно заметим, что в большинстве случаев формулировки, использованные в УПК РФ 2001 г., заметно более детальные, нежели аналогичные правила УПК РСФСР 1960 г. [3. С. 137]. Нельзя сказать, что это всегда приводило к пропорциональному улучшению их качества, однако случаи полного отказа от каких-то ничем себя не скомпromетировавших положений прежнего закона без видимой необходимости – это, скорее, исключение из общего правила.

Предусмотренные ныне в УПК РФ вновь открывшиеся обстоятельства связаны исключительно с умышленными преступными действиями, повлекшими или могущими повлечь принятие неправильного судебного акта. Это означает, что законодатель не допускает возможности совершения су-

дебной ошибки в принципе: если после осуждения человека за убийство якобы «убитый» придет лично в суд, с точки зрения УПК ничего «вновь открывшегося» для уголовного дела в этом не будет. Нужно будет сначала выяснить, чье ложесвидетельство привело к осуждению невиновного, потом осудить лжесвидетеля, и только потом пересматривать приговор «убийце».

Здесь уместно перейти к списку новых обстоятельств, являющихся основаниями для пересмотра согласно УПК РФ. К ним отнесены:

- признание Конституционным Судом РФ закона, примененного судом в данном уголовном деле, не соответствующим Конституции РФ;

- установленное Европейским судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом дела;

- наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления;

- иные новые обстоятельства.

Нас в наибольшей степени из этого списка интересует последнее основание, формально делающее перечень открытым, – «иные новые обстоятельства». Кажется, по логике нормы, что такими иными новыми обстоятельствами должны быть события, подобные перечисленным выше, вероятно, правового, а не фактического характера. Так, к этому пункту могла бы быть отнесена отмена судебного акта, имевшего преюдициальное значение для данного дела. Такое основание прямо названо в остальных процессуальных кодексах, что мы считаем лучшим вариантом регламентации по сравнению с подразумеванием в числе иных новых обстоятельств. К формулировке «иные обстоятельства» вообще высказано множество претензий, связанных с отсутствием из-за них в законе строгих критериев определения оснований отмены судебных актов [4. С. 440].

В действительности открытость перечня новых обстоятельств используется правоприменителями для компенсации очевидного пробела в закрытом перечне вновь открывшихся обстоятельств. Выяснившиеся после вступления приговора обстоятельства, существенно меняющие суть дела, «подгоняются» под «иные новые», хотя никакими новыми они в принципе не являются.

Так, Постановлением Президиума Нижегородского областного суда от 25 марта 2015 г. иным новым обстоятельством, послужившим основанием для возобновления производства по уголовному делу, было признано алиби – нахождение обвиняемого в другом месте во время совершения преступления. Не вдаваясь в обсуждение иных проблем уголовного процесса, отметим, что приговор был вынесен в порядке гл. 40 УПК РФ, что, по нашему мнению, отражает «цену» таким приговорам, удельный вес которых приблизился в последнее время к 70%. Но, возвращаясь к главному, – какое же это новое обстоятельство? Это очевидная констатация некачественной работы всей службы государственного обвинения, а также про-

фессиональных ошибок стороны защиты и самого суда, но не новое обстоятельство!

В другом постановлении того же суда от 12 ноября 2014 г., в котором также, по сути, вновь открывшиеся обстоятельства рассматриваются как иные новые, суд определяет последние как обстоятельства, *не известные суду* на момент вынесения решения.

Но новые обстоятельства не известны никому на момент вынесения решения, это обстоятельства, *не существовавшие* на момент вынесения решения.

В научной литературе тоже предлагается своеобразная подгонка безусловно необходимого практике вновь открывшегося обстоятельства в число иных новых. Так, В.Е. Баскакова называет среди их видов искомое «установление фактических и юридических обстоятельств по уголовному делу, свидетельствующих о судебной ошибке...», а также действительно новые обстоятельства – принятие уголовного закона, акты амнистии и помилования [5. С. 11].

Резюмируем сказанное: существенным недостатком УПК в сравнении с ГПК, АПК и КАС является отсутствие в перечне вновь открывшихся обстоятельств, служащих основанием для пересмотра дела, указания на существенные для дела обстоятельства, которые не были и не могли быть известны заявителю.

Следующий критерий сравнения регламентации производства по вновь открывшимся и новым обстоятельствам в разных процессуальных отраслях – порядок обращения с соответствующей инициативой.

ГПК, КАС и АПК предусматривают один и тот же порядок – в суд, принявший акт, могут обратиться:

- стороны, прокурор, другие лица, участвующие в деле (ст. 394 ГПК РФ);
- лица, участвующие в деле, а также лица, которые не были привлечены к участию в административном деле и вопрос о правах и об обязанностях которых был разрешен судом (ст. 346 КАС РФ);
- лица, участвующие в деле (ст. 312 АПК РФ).

И только УПК РФ предусматривает возбуждение производства прокурором по «сообщениям граждан, должностных лиц, а также данным, полученным в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел» (ст. 415). Насколько оправдана такая исключительность именно уголовного процесса? Нельзя не отметить, что вопрос о роли прокурора в разных видах судопроизводств – это отдельная, весьма обширная и благодатная сфера научных изысканий. Например, возможное слияние уголовного и административного процессов в свете полномочий прокурора в том и другом весьма активно обсуждается в литературе [6].

Совершенно верно и очевидно, что если прокурор узнал о необходимости пересмотра из указанных выше источников, то он как блюститель закона должен обратиться в суд с представлением о пересмотре дела. Но почему при этом заинтересованное лицо (которым, как правило, является осужденный, но может быть и его защитник, и потерпевший, и их близкие

родственники) не может обратиться в суд напрямую, минуя прокурора? По УПК РФ прокурор – это участник процесса со стороны обвинения (гл. 6), орган уголовного преследования (ст. 37), и какой бы объективности ни требовал от него конституционно-правовой статус прокуратуры, едва ли правильно ставить пересмотр судебных решений в стопроцентную зависимость от усмотрения обвинителя.

Здесь можно вспомнить другой пример ограничения доступа к правосудию: Конституционный Суд РФ, проверяя конституционность нормы, предоставляющей правомочие администрации исправительного учреждения обращаться в суд с ходатайством об условно-досрочном освобождении осужденного, но не дающей такого права ему самому, указал, что поскольку освобождение – прерогатива суда, то осужденному должно быть дано право обратиться непосредственно к суду [7].

Полагаем, что правосудию и нуждающемуся в нем не нужны посредники, тем более такие, от которых невозможно отказаться. Заявитель в уголовном процессе вынужден аргументировать перед прокурором, что вновь открывшиеся или новые обстоятельства действительно являются в данном случае основаниями для пересмотра. Не согласившийся с таким выводом прокурор может прекратить возбужденное им производство, и доводы заявителя в суд вообще не попадут (ч. 2 ст. 416), если только он не обжалует постановление прокурора в суд (ч. 3 ст. 416). Но зачем нужна такая сложная схема, если заявитель может обратиться с заявлением о пересмотре напрямую в суд так, как это делается во всех остальных видах судебного процесса?

Полагаем, что сложность обращения с просьбой о пересмотре – одна из причин крайне небольшого количества возобновленных производств и отмененных приговоров. Так, в 2016 г. судами по арбитражным делам получено 4 956 заявлений о пересмотре и удовлетворено 1 653 [8], а по уголовным делам 106 и 75 соответственно [9] (при более чем двукратном превосходстве общего количества рассмотренных уголовных дел против арбитражных). Думается, что никакого скепсиса у наших оппонентов не хватит, чтобы сказать, что качество правосудия по уголовным делам выше на два порядка, чем по арбитражным. Один из критериев эффективности правосудия – реальность права на судебную защиту [10. С. 200], поэтому любые входные фильтры для жалоб, адресатом которых является суд, снижают эффективность правосудия в целом.

К слову, и Модельный УПК стран СНГ (ст. 524), и ряд современных иностранных кодексов постсоветского пространства (ст. 502 УПК Казахстана, ст. 464 УПК Азербайджанской Республики, ст. 419 УПК Республики Беларусь) предусматривают прямое обращение в суд заинтересованных лиц (как правило, круг их определен с ссылкой на лиц, имеющих право на подачу кассационной жалобы).

Совершенно непонятно, в каком качестве выступает прокурор при пересмотре дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. Если законодателем подразумевается, что он выступает в качестве должностно-

го лица органа прокурорского надзора, то почему этот надзор, вопреки его сути, является обязательным на пути к судебному контролю? Кроме того, если роль прокурора на данном этапе процесса надзорная, а не «обвинительная», значит, никакой уголовно-процессуальной специфики в ней нет, однако больше ни один судебный процесс не предполагает обращение к прокурору для инициирования пересмотра по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Если же имеется в виду прокурор как участник судопроизводства со стороны обвинения, то почему осужденный (являющийся, как правило, инициатором пересмотра дела) должен искать поддержку у того, кто выступает в процессе против него?

По УПК РСФСР прокурор был обязан провести расследование по вновь открывшимся обстоятельствам, а по его итогам мог обратиться в суд (ст.ст. 386, 387); теперь прокурор не проводит расследования ни до, ни после вынесения приговора, однако его промежуточное положение между заявителем и судом почему-то сохранилось. Полагаем, что обжалование судебных актов через прокурора – рудимент, унаследованный нынешним уголовно-процессуальным законом от своего предшественника.

Согласно ст. 415 УПК РФ прокурор проводит *проверку* по заявленным обстоятельствам, не расследование; при этом, исходя из проанализированного нами выше перечня оснований пересмотра, «расследовать» и «проверять» там нечего. Значит, он просто оценивает, имеют ли связь соответствующие обстоятельства с законностью и обоснованностью приговора, могли ли они существенным образом повлиять на вынесенное решение. Полагаем, что мнение прокурора на этот счет пригodiлось бы ему в суде, где бы он его высказал как равная сторона в состязательном процессе, а в вопросе решения судьбы производства по вновь открывшимся и новым обстоятельствам прокурор может оставить свое мнение при себе.

В.В. Кальницкий отмечает, что целью проводимой прокурором проверки выступает установление причинной связи между преступлением против правосудия и возможными пороками приговора [11]. По нашему мнению, все вопросы оценки влияния вновь открывшегося обстоятельства на состоявшееся судебное решение – исключительная прерогатива суда.

Имеют претензии к процедуре возобновления производства по пересмотру и органы прокуратуры.

Если предположить, что законодатель все же вложил какой-то смысл в слово «проверка», поручив ее проведение прокурору, то ясно, что для нее прокурору нужны материалы уголовного дела, по которому был вынесен судебный акт, чтобы оценить, насколько обстоятельства влияют на собранную совокупность доказательств. Рассмотренное уголовное дело хранится в архиве суда, а не у прокурора, поэтому запросто он с ним ознакомиться не может, а стимула делать это, преодолевая трудности, у него нет. Не секрет, что эффективность работы прокуроров определяется по системе статистических критериев, включающих число рассмотренных жалоб, проведенных проверок, направленных представлений и др. В числе этих кри-

териев никак не отражаются производства, связанные с пересмотром по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Более того, если все-таки они состоятся, то, вероятно, приведут к оправдательному приговору, что прокурора, мягко говоря, не стимулирует к подобной работе. Из двух выявленных нами случаев обращения заинтересованных лиц в прокуратуру о пересмотре приговоров ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств в 2019 г. в Республике Башкортостан в одном из них уголовное дело завершилось оправдательным приговором.

Как отмечает С.А. Никифоров, сложности у прокуроров, осуществляющих надзор за предварительным расследованием, которым поручены проверки по сообщениям об «иных новых обстоятельствах», возникают в связи с недостатком информации об уголовном деле, в связи с чем он предлагает эти проверки осуществлять сотрудникам уголовно-судебного подразделения органа прокуратуры [12].

Иными словами, те, кто сейчас проверяет, есть ли основания для постановки вопроса о пересмотре уголовного дела, этого дела вообще никогда не видели, поэтому просят проверки поручить тем, кто когда-то видел.

Можно понять, что государственные обвинители заинтересованы в судьбе уголовного дела, по которому возможен пересмотр, но баланс публичных и частных интересов в УПК РФ серьезно нарушен. Даже название соответствующей главы – «Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств» – в сравнении с арбитражно-процессуальным «Производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам» подчеркивает, что для уголовного процесса важно дело в целом, а не судебный акт, за которым стоит судьба конкретного человека.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что пересмотр приговоров и иных судебных решений по уголовным делам ввиду вновь открывшихся или новых обстоятельств – это та сфера уголовно-процессуальных отношений, для которой характерен целый ряд необъяснимых процедурных особенностей в сравнении с другими отраслями правосудия. Изучение этих особенностей необходимо для определения оптимальных способов решения многих теоретических и практических проблем уголовного процесса. Неудивительно, что вопрос об общности правил судебной деятельности независимо от вида процесса отмечается и специалистами по гражданскому процессу [13. С. 116]. Цель сравнительно-правовых исследований такого рода – создание оптимальной модели отечественного правосудия в целом.

Литература

1. Ведищев Н.П. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в системе уголовного судопроизводства: российский опыт и международная практика : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012. 208 с.
2. Темушкин О.П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. М. : Наука, 1978. 240 с.

3. Тарасов А.А. «Бригадное расследование» в контексте общих проблем следственного аппарата в современной России // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 1 (55). С. 135–140.

4. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник для магистратуры / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 3-е изд. М. : Юрайт, 2016. 465 с.

5. Баскакова В.Е. Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 24 с.

6. Папышева Е.С. К вопросу о некоторых полномочиях прокурора в уголовном процессе и производстве по делам об административных правонарушениях // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 1. С. 66–73.

7. По делу о проверке конституционности положений статей 77.1, 77.2, частей первой и десятой статьи 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и статьи 363 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А.А. Кизимова : постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2002 № 16-П. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39814/ (дата обращения: 22.04.2020).

8. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 2016 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3833> (дата обращения: 22.04.2020).

9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2016 год // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения: 22.04.2020).

10. Теория уголовного процесса: состязательность / под ред. Н.А. Колоколова. М. : Юрлитинформ, 2013. Ч. 1. 368 с.

11. Кальницкий В.В. Стадия возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Законодательство и практика. 2019. № 2. С. 53–59.

12. Никифоров С.А. Рассмотрение обращений о пересмотре судебных решений в связи с новыми обстоятельствами // Законность. 2015. № 6. С. 39–41.

13. Горелов М.В., Жемалетдинов Р.М. Гражданский процесс и административная юстиция // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 4. С. 114–117.

Sharipova Alia R., Bashkir State University (Ufa, Russian Federation)

REVIEW OF CASES ON NEWLY OPENED AND NEW CIRCUMSTANCES: UNFAVOURABLE DISTINCTIONS OF THE CRIMINAL PROCEEDINGS

Keywords: criminal proceedings, arbitration proceedings, civil proceedings, administrative proceedings, reviews under new and newly discovered circumstances.

DOI: 10.17223/22253513/40/9

The article deals with the comparative analysis of the procedure and grounds for reviewing court cases under new and newly discovered circumstances in criminal and arbitration, civil and administrative proceedings. The author proceeds from the idea of common fundamental beginnings of justice in general, and therefore, all types of judicial activities - including an extraordinary review of judicial decisions, which have entered into legal force. The branch specifics of specific procedural institutions should have a special explanation based on the specifics of the branch itself.

The author thinks that there is no key basis for reviewing the case on the newly discovered circumstances in the criminal trial and attempts to replace it with one of the new circumstances. In this part, the current criminal procedure law differs unfavourably from the Soviet Criminal Procedure Code (CPC) of the RSFSR of 1960 - among the newly discovered circumstances,

there are no those that could indicate a miscarriage of justice made out of direct connection with someone's criminal actions.

In the current CPC of the Russian Federation, the list of newly discovered circumstances is closed, and the list of new circumstances that entail the review of the court decisions is, on the contrary, open. Examples of academic papers and administrative enactments justifying such a replacement are given. The author gives his arguments against it and proposes to change the list of grounds for revision, referring to the regulation in other procedural branches, historical and foreign experience. A significant procedural difference of the considered type of extraordinary review of cases in criminal proceedings from other types of proceedings is found. It is the need for applicants to request a review from the prosecutor, not from the court. The greatest objection is the non-alternative procedure: the prosecutor is a participant in the criminal proceedings on the part of the prosecution, he is responsible for the undoubted proof of the charge, which is the basis of the sentence, the abolition of which is requested by another interested person. The negative impact of the prosecutor's mediation between the complainant and the court on access to justice and its quality is argued. It is pointed out that there is no need for prosecutorial checks to resolve the issue of judicial review of the case. The analysis of judicial statistics in different branches of justice shows that criminal proceedings differ sharply by the negligible number of judicial review cases due to newly discovered and new circumstances. The article calls into question the ability to explain this fact by a higher quality of sentences in criminal cases in comparison with other court decisions in other court cases.

References

1. Vedishchev, N.P. (2012) *Vozobnovlenie proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv v sisteme ugovnogo sudoproizvodstva: rossiyskiy opyt i mezhdunarodnaya praktika* [Resumption of criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances in the criminal justice system: Russian experience and international practice]. Law Cand. Diss. Saratov.
2. Temushkin, O.P. (1978) *Organizatsionno-pravovye formy proverki zakonnosti i obosnovannosti prigovorov* [Organizational and legal forms of verifying the legality and validity of sentences]. Moscow: Nauka.
3. Tarasov, A.A. (2019) "Brigadnoe rassledovanie" v kontekste obshchikh problem sledstvennogo apparata v sovremennoy Rossii ["Brigade investigation" in the context of general problems of the investigative apparatus in modern Russia]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika – The Rule of Law State: Theory and Practice*. 1(55). pp. 135–140.
4. Lazareva, V.A. & Tarasov, A.A. (2016) *Ugovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedure Law. Topical Problems of Theory and Practice]. 3rd ed. Moscow: Yurayt.
5. Baskakova, V.E. (2009) *Vozobnovlenie proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novykh obstoyatel'stv: voprosy teorii i praktiki* [Resumption of criminal proceedings in view of new circumstances: theory and practice]. Abstract of Law Cand. Diss. Ekaterinburg.
6. Papisheva, E.S. (2020) To the issue of some powers of a prosecutor in criminal procedure and administrative proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika – The Rule of Law State: Theory and Practice*. 1. pp. 66–73. (In Russian). DOI: 10.33184/pravgos-2020.1.9
7. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2002) *On checking the constitutionality of the provisions of Articles 77.1, 77.2, Parts One and Ten of Article 175 of the Criminal Executive Code of the Russian Federation and Article 363 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in connection with the complaint of citizen A.A. Kizimova: Resolution No. 16-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 26, 2002*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39814/ (Accessed: 22nd April 2020). (In Russian).
8. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016a) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nykh arbitrazhnykh sudov za 2016 god*

[Summary statistical information on the activities of federal arbitration courts for 2016]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3833> (Accessed: 22nd April 2020).

9. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. (2016b) *Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nykh sudov obshchey yurisdiktsii i mirovykh sudey za 2016 god* [Summary statistical information on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace for 2016]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (Accessed: 22nd April 2020).

10. Kolokolov, N.A. (ed.) (2013) *Teoriya ugovnogo protsessa: sostyazatel'nost'* [Theory of criminal procedure: adversarial nature]. Moscow: Yurlitinform.

11. Kalnitskiy, V.V. (2019) Stadiya vozobnovleniya proizvodstva po ugovnomu delu vvidu novykh ili vnov' otkryvshikhsya obstoyatel'stv [Stage of resumption of criminal proceedings in view of new or newly discovered circumstances]. *Zakonodatel'stvo i praktika*. 2. pp. 53–59.

12. Nikiforov, S.A. (2015) Rassmotrenie obrashcheniy o peresmotre sudebnykh resheniy v svyazi s novymi obstoyatel'stvami [Consideration of applications for revision of court decisions in connection with new circumstances]. *Zakonnost'*. 6. pp. 39–41.

13. Gorelov, M.V. & Zhemaletdinov, R.M. (2019) Civil procedure and administrative justice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika – The Rule of Law State: Theory and Practice*. 4. pp. 114–117. (In Russian).